

Глава 12.2 Странности

– Отец, матушка приглашает брата Чанъиня побеседовать с ней.

Хоу Сюаньпин уже пришел к выводу, что эта его дочь совсем не такая блестящая, как рассказывала жена. Ей не только не хватало воспитания – она не умела читать атмосферу. Он тут все еще наслаждался чувством отцовской гордости за дочку, которая даже превзошла соседского сына, но слова Юаньцзюнь испортили ему настроение.

Хуже, если Юаньцзюнь понимала происходящее, но все равно выбрала пригласить Шэнь Чанъиня к матери прямо сейчас.

Взгляд хоу потемнел – он осознал, что пришла пора поговорить с госпожой Шэнь о воспитании Юаньцзюнь. Той явно требовалась жесткая дисциплина.

Почувствовав неудовольствие отца, Пэй Юаньцзюнь разозлилась еще сильнее.

Шэнь Чанъинь поклонился и вслед за ней покинул кабинет, тогда хоу Сюаньпин повернулся к оставшимся детям, намереваясь продолжить урок. Его успокаивала мысль, что его сын умен и надежен, и если они двое станут заботиться о Пэй Юаньси, той не придется полагаться на других и искать в будущем их одобрения и поддержки.

Его взгляд упал на дочку, и он внезапно осознал, что те слова Юаньцзюнь были сказаны скорее всего под влиянием госпожи Шэнь. Так что говорить с женой придется не только о воспитании Юаньцзюнь, но и о Саннян.

В через какое-то время урок подошел к концу, и по игривому лицу Пэй Юаньси мелькнула тень грусти. Она поглядывала на хоу Сюаньпина и Пэй Цзи, она склоняла голову набок, словно хотела, но не решалась что-то сказать. Хоу Сюаньпин, всегда внимательный к этой дочери, заметив это ее поведение, немедленно спросил:

– Что-то случилось, Саннян?

– Папочка, я хочу что-то сказать, – негромко произнесла Пэй Юаньси. – Я обещала матери-наложнице Ли навещать ее, но боюсь, что ей будет плохо.

Последние несколько дней наложница Ли держалась строгой вегетарианской диеты и без сна и отдыха читала буддистские сутры. Без разрешения хоу Сюаньпина она не осмеливалась покидать свой двор, и ее тоже никто не навещал, только слуги дважды в день приносили еду.

Ни для кого в поместье не было тайной, что хоу теперь ненавидел и презирал эту женщину. Но она была родной матерью Юаньси, он не мог запретить дочери навещать ее, это было бы недолжно.

Услышав, что Юаньси боится навредить ей, он снова разозлился. Отчего мать его Саньян – именно эта женщина?

По некотором размышлении хоу Сюаньпин велел Пэй Цзи сопровождать сестру, когда та пойдет к матери. Он несколько раз настойчиво повторил, чтобы сын тут же уводил Юаньси прочь, если ему хотя бы покажется, что с наложницей Ли что-то не так.

Если бы он сам пошел, он бы на месте ее пристукнул!

Пэй Цзи помрачнел, осознав, какую на него возложили ответственность.

Никто не стал откладывать визит. Брат с сестрой подошли к воротам во дворик наложницы Ли. Острый и тяжелый запах благовоний ощущался даже снаружи, а когда они вошли в комнату, стал почти невыносим. Однако наложница Ли стояла на коленях на подушечке перед алтарем с фигуркой Будды. За эти дни она заметно похудела.

– Мама-наложница, я пришла, – сказала Пэй Юаньси, не подходя, впрочем, слишком близко.

Наложница Ли не повернула головы.

– Зачем ты пришла ко мне? Разве тебе плохо с госпожой? Разве ты не звала меня злой наложницей? Зачем теперь ты сюда приходишь?

– Мама-наложница, я обещала тебя навестить и навещаю.

Услышав это, наложница Ли наконец-то открыла глаза и повернулась к вошедшим. Взгляд ее был пугающе пуст, но когда она заметила присутствие Пэй Цзи, то сощурилась, изображая дружелюбие. Это не обмануло юношу, он нашел выражение лица наложницы холодным и пугающим, а деланную приязнь в пустоте – удушающей.

Разве так должна мать глядеть на родную дочь? Точно ли это любовь?

– Наложница Ли, моя третья сестра умоляла отца позволить ей навестить тебя. Неважно, как ты обходилась с ней, в ее сердце ты ее родная мать, и ничто этого не изменит.

Лицо наложницы Ли потемнело.

– Спасибо, молодой господин, что проводили сюда третью барышню. Извиняюсь, что она потревожила вас. Возможно, лучше будет, если вы подождете снаружи, пока я говорю с барышней.

- Отец запретил мне выходить.

Плечи наложницы Ли опустились, она закрыла лицо руками и расплакалась.

- Но почему? Я потратила жизнь на эту девочку! Почему ты не понимаешь моих намерений? Третья барышня, что мне сделать, чтобы ты поверила, что я желаю тебе только добра? Понимаешь ли ты, как тяжело ранишь меня?

Пэй Юаньси стояла посреди комнаты, не в состоянии понять, что происходит, и говорила наугад:

- Мама-наложница Ли, не плачь, пожалуйста. Мне с матушкой хорошо. У нее много вкусной еды, кровать большая и мягкая, а под легким покрывалось совсем не жарко. И вторая сестра тоже добра ко мне. Она сказала, что в будущем позаботится обо мне, что у меня будет богатая и хорошая жизнь.

Комната была так напоена ароматом благовоний, что голова шла кругом. Маленькая фигурка Будды на алтаре поблескивала в свете свечей, на столике лежали копии духовных книг, на подставке курились ароматические палочки. Над ними вился дымок и было еще жарче, но в комнате не было ни одного сосуда со льдом, ни хотя бы с водой, чтобы облегчить страдания от тепла и духоты. В воздухе мелькали частицы пепла, раздражая глаза и горло.

Прошло всего несколько минут, а одежда Пэй Юаньси и Пэй Цзи уже промокла от пота.

Лицо наложницы Ли с запавшими глазами и щеками казалось мрачным и холодным. Услышав слова Юаньси, она задышала чаще.

- Твоя вторая сестра правда так сказала?

- Да.

- Когда она это сказала? - взгляд наложницы Ли сверкнул по-особенному, презрение и отвращение в нем мешались с другим чувством, неопишуемой эйфорией. - Третья барышня, умоляю, расскажи мне все, ничего не скрывай!

- Она сказала так сегодня. Она велела мне нарвать ей цветов и слушаться ее. Пока я ее слушаюсь, она обеспечит мне хорошую жизнь.

Бормоча благодарности Будде за его милость, наложница Ли простерлась перед алтарем торжественно и благочестиво, раз за разом касаясь лбом пола.

Глядя на сострадательное божество, она изо всех сил старалась подавить внутреннюю дрожь.

Может быть, в этот раз ее извечное желание наконец сбудется?

<http://tl.rulate.ru/book/113338/4733934>